

Яркий свет на мгновение ослепил их, а когда зрение вернулось, Обито и остальные уже стояли на горе Мёбоку.

В небе ярко сияло полуденное солнце. Вырвавшись из мрачной, давящей сырости Деревни Скрытого Дождя в благоухающий, полный жизни лес, четверо шиноби на миг потеряли ориентацию. Едва они пришли в себя, как с высокой груды камней неподалеку раздался радушный голос:

— Добро пожаловать на гору Мёбоку, спутники малыша Дзираи!

На вершине каменной гряды восседали двое Великих Отшельников — Фукасаку и Сима. Обито никогда не видел их прежде, но слышал рассказы Минато. Говорил Фукасаку; однако, окинув взглядом прибывших из Конохи и не обнаружив среди них Какаси, он мгновенно утратил прежний радостный вид.

— Малыш Дзирая... вы что, не смогли?... — осторожно спросил жабий мудрец.

Дзирая тяжело опустил голову и покачал головой.

— Всё оказалось куда сложнее, чем мы предполагали, господин Фукасаку. В общем... Эй! Держись!

Его слова прервал тревожный возглас. Стоявший рядом Сакумо пошатнулся и рухнул бы ничком, не успей Дзирая подхватить старого друга. Рин мгновенно опустилась возле него на колени, а остальные замерли, затаив дыхание.

— Всё в порядке, господин Сакумо просто обессилел, — спустя минуту произнесла Рин, поднимая нахмуренный взгляд. — Рана на груди тяжелая, но для жизни не опасна. Однако... — Она осеклась, и лицо её омрачилось.

Куда страшнее оказалась рана душевная — и каждый присутствующий без слов понял, о чем она умолчала.

С помощью Обито и Рин Дзирая взвалил Сакумо себе на спину.

— Так или иначе, нужно скорее возвращаться в Коноху. Минато обязан узнать о случившемся как можно раньше, — продолжил он, обращаясь к жабам. — Когда мы сможем отправиться?

— Извини, малыш Дзирая, но Минато — Хокаге, он не может покинуть деревню, поэтому применить к нему обратный призыв мы не способны, — подала голос Сима. — Мы условились на завтрашний полдень. Когда Минато применит технику призыва в Конохе, Бунта перенесет вас всех обратно. А пока отдохните как следует!

— Что ж, ничего не поделаешь, — вздохнул Дзира́йя. На мгновение задумавшись, он снова нахмурился: — Господин Фукасаку... Великий Отшельник проснулся?

— Всё ещё спит, — покачал головой тот. Заметив, как потемнело лицо саннина, Фукасаку спешно добавил: — Возможно, прямо сейчас Великий Отшельник созерцает во сне иное будущее. Как только он очнется с новым пророчеством, я сразу дам знать.

С этими словами они с Симой спрыгнули с валуна.

— Вы истощены. Идите отдыхать, а мы тем временем приготовим что-нибудь подходящее для людей.

— Главное, чтобы без мешанины из насекомых... — пробурчал Дзира́йя, плетясь вслед за жабами. Рин пошла за ним.

— Простите, но мне отдых не нужен.

Вся группа замерла. Все обернулись к Обито, но черноволосый Утиха отвернулся, пряча лицо от чужих взглядов.

— Я хочу... побыть один.

— Стихия огня: Дикий танец взрывного ветра!

Изогнувшийся огненный дракон с ревом рванулся вперед. Его исполинская туша пронеслась над гладью озера; вода взбурлила, с шипением испуская клубы пара, а ночное небо озарилось багрово-золотым вспыхом. Однако долетев лишь до середины водоема, пламенный змей потерял форму и с гулким треском распался на тысячи ярких искр, дождем опавших в воду.

На берегу Обито тяжело дышал, упершись руками в колени. Крупные капли пота стекали по подбородку; небрежно смахнув их тыльной стороной ладони, он выпрямился, закрыл глаза и вновь сложил ручные печати.

В памяти вновь всплыла безупречная спираль огня, которую всего несколько часов назад обрушил на них Тоби. Соединить Стихию огня и искажающую пространство силу Камуи... Сосредоточиться... Еще раз.

— Стихия огня: Дикий танец взрывного ветра!

Грянул взрыв.

На этот раз огненная вакханалия сорвалась, едва пролетев три метра: пламя рассыпалось, и вырвавшаяся из-под контроля чакра огня швырнула на берег волну испепеляющего жара. Изнуренное тело не успело среагировать — Обито лишь инстинктивно прикрыл лицо руками, чувствуя, как тыльную сторону ладоней обжигает нестерпимой болью. Спотыкаясь, он отшатнулся назад, зацепился обессилевшими ногами за выпирающий корень и тяжелым мешком рухнул на землю.

Он не стал подниматься. Раскинув руки, Обито так и остался лежать в грязи, глядя сквозь переплетение крон на далекое ночное небо. В груди бушевало бессильное яростное пламя.

Силы были на исходе. Чакра почти иссякла, Шаринган изнемогал от непрерывного напряжения, а глубокий порез на пояснице, кое-как присыпанный лечебным порошком и перевязанный на скорую руку, отзывался тупой пульсирующей болью. Но всё это казалось сущими пустяками.

Ужаснее всего было иное: он пытал себя, пытался силой перенять технику, которую заклятый враг продемонстрировал лишь для того, чтобы упиваться своим превосходством. Это позорное воровство жгло душу Обито, точно раскаленное железо. Едкое чувство унижения хлестало по сердцу бичом, и по сравнению с этой болью любые телесные раны казались ничтожными.

Лишь ярость и ненависть заставляли его подниматься снова и снова. Ненавидеть Тоби за его безжалостность — и ненавидеть самого себя за собственную немощь.

Упершись руками, он с трудом поднялся на дрожащие ноги. Отдохнуть нельзя. Еще не время. Еще одна попытка...

Позади хрустнула сухая ветка. Обито резко обернулся; в его взгляде всё еще пылал дикий, опасный огонь, который угас лишь тогда, когда он разглядел подошедшую. Впервые за долгие часы алые очи Утихи сменились привычной черной радужкой.

— Почему ты не спишь? Уже поздно.

Рин на мгновение отшатнулась — дикий вид Обито напугал её, но она мгновенно справилась с собой.

— Я медик, — ответила она тихим, но ровным голосом. — А ирьянин не имеет права отдыхать, пока не осмотрит всех раненых.

Она подошла ближе. В свете луны Обито увидел её бледное, изнуренное лицо и опухшие от слез глаза. Заметив его пристальный взгляд, Рин смущенно отвернулась.

— Садись, — прошептала она. — И сними куртку.

Они опустились на поросший мхом корень. Обито скинул верхнюю одежду и размотал бинты — рана на пояснице, как и следовало ожидать, вновь разошлась. Рин заставила свои ладони светиться мягким зеленым светом и приложила их к поврежденной коже, останавливая кровь и снимая боль.

На какое-то время повисла тяжелая тишина.

— Как господин Сакумо? — спросил Обито, глядя на её макушку.

— Спит. Днем поднималась температура, но сейчас жар спал. Я попросила учителя Дзирайю подежурить у его постели, вот и смогла вырваться.

Помолчав, она тихо добавила:

— В бреду он без конца зовет Какаси...

Дыхание Обито пресеклось.

Рин опустила голову еще ниже, её плечи мелкой дрожью затряслись. Погасив зеленую чакру Мистической Ладони, она шмыгнула носом, провела тыльной стороной кисти по щекам и лишь затем достала чистые бинты. Нанеся свежий снадобный порошок, она умело забинтовала поясницу, после чего протянула руку:

— Дай ладони.

Понимая, что утаить ожоги не удастся, Обито послушно протянул обожженную кисть. Рин снова активировала чакру.

— Мы знаем друг друга с самого детства. Со времени, как ты стал тюнином, ты ни разу не обжигался собственными техниками огня.

—...

— Чтобы освоить эту технику, нужно использовать Мангекё Шаринган, верно? Ты непрерывно истощаешь свои глаза с самого момента, как мы оказались здесь. Тебе необходим отдых.

— Рин, это мое личное дело... — не выдержал Обито.

— Только попробуй сказать, что меня это не касается! — неожиданно резким, не терпящим

возражений тоном перебила Рин, вспыхнув взглядом.

Заметив блеснувшие в её глазах слезы, Обито осекся и притих.

Рин снова склонилась над его рукой, виток за витком накладывая бинт.

— Тренируйся, сколько душе угодно. Будет нужно — иди на смертельный бой против Тоби, я не стану тебя удерживать. Но я обязана выполнять свой долг ирьянина: останавливать тебя, когда тело работает на износ, и идти за тобой на поле боя, чтобы спасти твою жизнь в любой момент.

Она попыталась завязать узел.

— С первого дня учебы на медицинском мне твердили... Наставница говорила, что ирьянин обязан отдавать все силы не павшим, а живым. Погибших уже не вернуть, скорбь не воскресит их, а вот жизни тех, кто остался рядом — это груз, который мы всё ещё способны нести на своих плечах.

Голос её прервался всхлипом. Пальцы, всегда отличавшиеся невероятной точностью, так сильно дрожали, что узел никак не давался.

— Мне... мне невероятно везло. Все эти годы я могла заботиться о вас обоих... Но теперь... Какаси больше нет. Но ты... ты ведь жив! И поэтому... поэтому я...

Обито протянул руку и прижал расползающиеся концы бинта. Вместе они наконец затянули узел. После этого Обито крепко сжал её дрожащую ладонь.

Не проронив ни слова, он выразил этим жестом всё, о чем промолчал. И он знал: Рин поняла его без лишних объяснений.

Рин смолкла. Медленно склонившись, она прижалась лбом к тыльной стороне его ладони, её плечи содрогались.

Она плакала бесшумно, но Обито физически ощущал, как на его кожу капая горячие слезы.

— У меня получилось! Получилось! — Сине-белые вспышки молний озарили алые, расширившиеся от восторга глаза мальчика. Голос его звенел от неопишуемой радости. — Ты видел?! Чакру действительно удалось превратить в молнию!

— Видел. Ты отличный ученик, Саске, — произнес Рокэй, тепло улыбаясь под маской. Скосив

взгляд, он заметил Фугаку, стоявшего под навесом галереи. Тот сложил руки на груди и сохранял безучастный вид, однако в глазах главы клана Утиха явственно читалось одобрение.

Четыре дня назад, заручившись согласием Фугаку и одобряющим жестом Минато, Рокэй взялся обучать Саске «Чидори». Мальчик оказался феноменальным гением: даже не подгоняемый жаждой мести или слепым соперничеством, он за считанные дни овладел изменением природы чакры, сделав первый уверенный шаг к технике высокого уровня.

Сам Рокэй не сумел бы объяснить, почему, твердо вознамерившись держать дистанцию от всех жителей этого мира, он вдруг сам предложил обучать мальчишку. Быть может, призраки прошлого не давали покоя — в своем родном мире он считал себя никудышным наставником, задолжавшим ученикам слишком многое. И теперь судорожно пытался отдать этот долг тем, кто ещё не успел познать горечи и потерь.

По правде говоря, то было лишь жалкое самообманное утешение.

Саске ослабил контроль, и искрящиеся разряды угасли. Вытерев пот со лба, мальчик перевел дыхание и снизу вверх посмотрел на Рокэя с нетерпеливым азартом:

— Что делаем дальше?

Вид такого Саске неизменно затрагивал самые сокровенные струны в давно омертвевшем сердце.

— Не спеши, ты и без того опережаешь все графики, — мягко проговорил Рокэй. — Когда научишься контролировать трансформацию природы чакры на автомате, перейдем к следующему этапу...

На полуслове он осекся и резко вскинул голову. Саске проследил за его взглядом и увидел, как через ограду сада бесшумно перемахнул Итачи в полной экипировке спецназа. Подобное зрелище было из ряда вон выходящим — дома Итачи всегда чинно пользовался дверью.

Юный исполняющий обязанности командира спецназа снял маску. Лицо его было смертельно бледным и суровым. У Рокэя ёкнуло сердце. Неужели?..

Итачи встретил его взгляд и едва заметно качнул головой, будто отвечая на невысказанный вопрос. Душа Рокэя ушла в пятки.

— Спецгруппа разведки из Деревни Скрытого Дождя вернулась, — обратился Итачи к отцу. — Спасательная операция провалена. Гибель Хатаке Какаси подтверждена. Господин Хокаге приказал созвать совет высшего руководства через полчаса. Господин Дзирайя изложит подробности на заседании. Доклад окончен.

— Принято, — ответил Фугаку.

Итачи вновь перевел взгляд на Рокэя:

— Обито уже вернулся к себе. Если хочешь, тебе разрешено идти.

— Благодарю, — Рокэй подавил сжавший горло спазм и кивнул. Затем повернулся к Фугаку и отвесил глубокий поклон: — Спасибо за гостеприимство и заботу.

— Мы лишь исполняли волю Хокаге, — сухо проронил глава клана.

Не придавая значения его сухости, Рокэй направился к выходу. Сделав пару шагов, он замер и оглянулся на растерянного мальчика.

— Извини, Саске, — тихим голосом произнес он, выдавив подобие виноватой улыбки. — На сегодня всё.

Сказав это, он надел маску, затянул капюшон и, плотнее распахнув плащ, скрылся за садовой оградой.

Намереваясь избежать лишних глаз, Рокэй пошел вкружную и лишь спустя двадцать минут оказался возле дома Обито. Постучал — никто не отозвался. Обойдя строение по периметру, он заметил открытую створку окна, выходившую на задний двор, и бесшумно прыгнул внутрь.

— Обито? — Сдвинув маску набок, он осмотрелся и громко позвал: — Ты здесь?

По дому гуляла тишина, однако тонкое чутье Рокэя уловило едва заметный запах пара и влаги. Вбежав по лестнице на второй этаж, он замер: дверь ванной распахнулась, и на пороге появился Обито — с полотенцем, обернутым вокруг бедер, и с падающими на плечи мокрыми прядями, с которых капала вода.

Столкнувшись нос к носу, оба онемели.

Мысли в голове Рокэя смешались.

Он понимал всю бестактность своего поведения, но не мог заставить себя отвести взгляд. Глаза сами собой скользили по крепкой груди и мускулистым рукам Обито. Кожа, оттенок которой потемнел от постоянных вылазок под палящим солнцем, была испещрена старыми шрамами — немым свидетельством прошлых битв. Но главное... это было здоровое, взрослое,

сформировавшееся тело.

При жизни Рокэй бесчисленное множество раз пытался представить, каким вырос бы его Обито, сложись всё иначе. Наверное, именно таким — смуглым, плечистым, полным жизни. А не тем искалеченным призраком из кошмаров, где у Обито — будь то мальчишка или взрослый мужчина, улыбающийся или проклинаящий — целой оставалась лишь левая половина, а правая превратилась в сплошное месиво.

Медленно подняв взгляд, Рокэй посмотрел на чистое, не тронутое увечьями лицо и наткнулся на покрасневшие глаза, полные дикой тоски и шока. Раздался невидимый удар грома — оба одновременно вздрогнули и попятились назад.

Тягучее, давящее молчание повисло в воздухе. Обито опомнился первым: опустив голову и отведя глаза, он шагнул навстречу, намеренно проходя мимо Рокэя к своей спальне.

Когда они сравнялись, Рокэй очнулся и инстинктивно протянул руку:

— Обито...

— Прости. Я не хочу сейчас разговаривать.

Рука Рокэя, так и не коснувшись чужого плеча, застыла в воздухе.

Щелкнул замок спальни. Рокэй остался стоять на полутемном полустанке коридора, точно каменное изваяние.

Лишь долгое время спустя он медленно опустил руку и надвинул маску обратно на лицо.

За весь день Обито так и не вышел из комнаты. Рокэй прибрал дом, простоявший заброшенным две недели, приготовил ужин и выставил его на стол, а когда полностью стемнело, прибрал остывшую еду в холодильник. Завершив дела на кухне, он ушел к себе.

И только за закрытыми дверями своей комнаты снял фарфоровое личико спецназа и положил на стол.

Обоим всё было понятно без слов. Они смотрели друг на друга, а видели призраков прошлых потерь. Разница заключалась лишь в том, сколько времени прошло с момента гибели их любимых. И если один вид его лица заставлял Обито мучиться, с болью вспоминая Какаси, Рокэй был готов носить маску сколько угодно — пока тот не оправится от удара.

Хотя бы внешне.

Отодвинув стул, Рокэй сел за стол и уставился в пустую белую стену.

Миссия Обито и остальных провалилась: мало того, что спасти Какаси не удалось, так ещё и подтвердилась его смерть. Единственным утешением оставалось то, что благодаря запасному плану с обратным призывом отряд вернулся без новых жертв. Сведения о миссиях S-ранга являлись строжайшей тайной, и будь Обито даже в полном порядке, он навряд ли стал бы делиться деталями. Оставалось надеяться, что Минато сочтет нужным ввести его в курс дела — хотя бы отчасти, в обмен на какие-то данные.

Рокэй поднял глаза к потолку, глядя в сторону спальни хозяина дома. Обито в таком состоянии... а значит, и старший Хатаке, должно быть...

Тук-тук-тук.

Стук в стекло вихрем развеял его думы. Рокэй мгновенно поднялся, потрясенный тем, что упустил чужое приближение. Стрелки настенных часов приближались к девяти вечера. Кому понадобилось приходить в такой час?

Насторожившись, он подошел к окну и отдернул штору. На той стороне рамы замер человек, готовясь постучать вновь — тот самый, о ком Рокэй думал секундой ранее. Встретившись взглядами через стекло, оба обомлели.

Рокэй опомнился первым: отшатнувшись назад, он схватил со стола маску спецназа и быстро натянул её. Лишь после этого распахнул створку и отступил на пару шагов:

— Простите, господин Сакумо. Проявляю неуважение.

Сакумо уже бесшумно соскользнул в комнату. Послышавшийся голос заставил его замереть; секунду спустя Белый Клык медленно распрямился и повернулся к Рокэю. Его взгляд был преисполнен тяжелой, разрывающей сердце боли.

— Зачем ты прячешь лицо под маской? — тихо спросил он.

Рокэй не знал, что ответить, и лишь промолчал.

Вид у Сакумо был скверный: бледная кожа, глубокие тени у глаз, изможденное выражение лица. Опустившись на узкую кровать, он сморщился от приступа боли и прижал руку к груди. Рокэй отчетливо уловил острый запах лекарственных снадобий.

Он ранен... Насколько сильно? Кто это сделал? — губы Рокэя под маской шевельнулись, но он так и не решился озвучить вопросы.

Сакумо опустил руку, но морщина между бровей никуда не исчезла. Он пристально вглядывался в маску, и когда заговорил, голос его звучал преувеличенно мягко и сжато — совсем не так, как при первой их встрече:

— Присядь.

Рокэй бесшумно подчинился.

Наступила звенящая тишина, в которой отсчитывали секунды лишь ходики на стене. Сакумо не сводил глаз с Рокэя, а в глубине его зрачков бурлило море невысказанных чувств.

Наконец, с трудом собравшись с духом, Белый Клык глубоко вздохнул:

— Сними маску, Какаси. Нам нужно... поговорить.

<http://bllate.org/book/19560/1933733>